

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1979

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Ю. А. Петросян

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЗИЯ-ПАШИ

Один из лидеров турецких конституционалистов 60—70-х годов XIX в.—известный литератор и публицист Абдул Хамид Зия-паша (1825—1881) занимает определенное место и в истории общественно-политической мысли Турции эпохи реформ XIX в. Хотя жизнь и деятельность Зии освещена уже рядом авторов¹, его общественно-политические воззрения специально характеризованы в весьма сжатой форме только в одном известном нам исследовании². В связи с деятельностью «новых османов» и их прессой взгляды Зии частично освещены также в работах А. Д. Желтякова и автора данной статьи³.

Жизнь Зии и его деятельность (административная, общественно-политическая и литературная) достаточно характерны как один из наиболее типичных для этого времени путей формирования новой бюрократии Османской империи и ее молодой интеллигенции, а также как один из примеров прихода представителей этих двух прослоек к политической и оппозиционной деятельности.

Оценивая характер идейных воззрений Зии, важно представить их на фоне эволюции его личности, тех черт его биографии и характера, которые важны для понимания его взглядов и убеждений. Новые данные источников, собранные, в частности, в труде М. К. Бильгегиля, проливают совершенно новый свет на многие обстоятельства жизни Зии.

Историки мало знали раньше о детстве Зии. Известно было, что он родился в семье стамбульского таможенного чиновника. Из материалов, собранных М. К. Бильгегилем, мы узнаем, что семья Зии обладала таким достатком, что мальчик, поступив в школу, ходил на учебу в сопровождении юноши-черкеса — раба отца Зии, а когда он был отпущен на волю, то к мальчику приставили «дядьку»⁴. С первых же шагов в жизни Зия находился в привилегированной среде. Учился он в специальной «Литературной школе», готовившей юношей для службы в-

правительственных канцеляриях. О привилегированном характере школы свидетельствует тот факт, что ее ученики экзаменовались на специальной церемонии в мечети Султан Ахмед в присутствии султана и множества сановников⁵. Юноша получил в детстве, как в домашней, так и в школьной атмосфере, то воспитание, которое было необходимо для его среды и времени бюрократической карьеры. Он пошел по этому пути в 1845 г., окончив школу; в течение двух десятилетий он занимал крупные административные посты. Чтобы правильно оценить его участие в тайном Обществе «новых османов»⁶, вступление на путь политического эмигранта и борца за первую турецкую конституцию, надо принять во внимание несколько обстоятельств его службы в султанском дворце и в ведомстве Порты.

Все, что известно о дворцовой службе Зия (1855—1861), говорит о том, что юноша всеми силами старался сделать дворцовую карьеру. И она складывалась удачно. Зия продвигался по служебной лестнице, получал орден. Став известным как поэт, он преподносил свои касыды не только великому везиру и шейх-уль-исламу, но и султанам⁷. Очевидные намерения молодого дворцового чиновника сделать карьеру были нарушены с назначением на пост великого везира одного из наиболее крупных сановников и реформаторов эпохи танзимата — Али-паши (Аали-паши). Современники отмечали, что Зия весьма критически отнесся к новому великому везиру. Так или иначе, но и Али-паша недружелюбно повел себя по отношению к молодому чиновнику⁸. Столь удачно начатая карьера во дворце была навсегда прервана, и с 1861 по 1865 г. Зия занимал ряд административных постов — начальника округа на Кипре, губернатора в Самсуне, члена Высшего совета юстиции, инспектора правительства в Боснии, губернатора в Амасии.

Что же привело человека с такой биографией в тайное Общество «новых османов»? Конечно, Зия не был лишен просветительских идей, его литературные вкусы также были для своего времени в целом прогрессивными. Он владел французским языком и переводил произведения Мольера («Гаргюф») и Лафонтена («Телемак»), а также некоторые труды французских историков (в частности, «Историю Андалузии» Виардо) еще в самые первые годы службы во дворце⁹. В это же время он начал переводить «Эмиля» Руссо¹⁰. Над этим переводом Зия трудился много лет. Продолжая эту работу в эмиграции в Швейцарии в 1870 г., он писал брату, что, переводя «Эмиля», он намеревался «оказать услугу религии и нации, улучшив дело воспитания детей, находящееся у нас в весьма заброшенном состоянии, а также нравственность...»¹¹.

Это был хорошо образованный для своего времени человек, с литературным дарованием, разделявший убеждения тех ре-

форматоров танзимата, которые стремились к преобразованиям на основе заимствования европейского опыта. Вместе с тем его личные качества и традиции среды постоянно поддерживали в нем стремление к высшим ступеням бюрократической карьеры. Али-паша стал для него не столько олицетворением пороков Высокой Порты, сколько личным врагом, борьба с которым определяла многие годы всю политическую деятельность Зии. М. К. Бильгегиль прав, когда пишет, что все политические статьи и выступления Зии были окрашены крайней неприязнью к Али-паше, которого он представлял как личного врага и наущника султана¹².

В известном публицистическом сочинении Зии «Прошение», адресованном султану, есть одно примечательное место, имеющее, как нам кажется, значение для понимания личности и характера Зии. Он с явной гордостью писал, что происходит из семьи незнатной, не отмеченной почестями и богатством, что предки его «предпочитали богатству честность и прямоту» и сам он воспитан в этом духе¹³. В этих словах Зии звучит призыв к монарху оценивать человека по его качествам, независимо от родословной и материального состояния. В более широком смысле это — обоснование права на большую карьеру чиновников среднего уровня и молодой разночинной интеллигенции. Сам Зия явно претендовал на то, чтобы его личные качества были оценены султаном по достоинству.

Наконец, последняя деталь биографии и характера Зии, важная для понимания его общественно-политической деятельности и взглядов, — обстоятельство его эмиграции. С этим связан другой важный вопрос — как и когда вступил Зия в ряды «новых османов». Его биографы и историки конституционного движения называют Зию одним из лидеров и идеологов «новых османов». Это верно для эмигрантского периода их деятельности, начавшегося весной 1867 г. Между тем тайное общество возникло в июне 1865 г. Зия в это время был губернатором Амасьи. В Стамбул он был отозван в апреле — мае 1866 г., пять месяцев ждал нового назначения и в октябре того же года вновь стал членом Высшего совета юстиции.

Вскоре Зия начал сотрудничать в оппозиционной столичной газете «Мухбир», изданием которой с января 1867 г. руководил известный публицист Али Суави. Последний был к этому времени членом тайного Общества «новых османов», как и будущий соратник Зии в эмиграции, выдающийся писатель и поэт Намык Кемаль. Газета «Мухбир» сразу же приобрела репутацию «вольнодумной». Она довольно резко выступала против правительства Али-паши. В начале марта Али Суави опубликовал в «Мухбир» статьи с протестом против абсолютизма, призывая султана отказаться от части своих верховных прав. Через несколько дней после публикации статьи Али Суави в

той же газете появилась статья, автором которой принято считать Зию — крупного государственного сановника, члена Высшего совета юстиции. Автор статьи позволил себе крайне рискованные намеки на то, что положение страны можно улучшить, если министры будут отвечать за свои действия перед парламентом¹⁴. Не следует переоценивать этот факт, даже если он действительно соответствует биографии Зии. И в период открытого участия Зии в борьбе за конституцию он мыслил палату депутатов только как совещательный орган при монархе, незыблемость верховных прав которого будет безусловно обеспечена законом¹⁵. К этой проблеме мы вернемся ниже, а сейчас попытаемся все же ответить на вопрос: что толкнуло крупного сановника империи, не связанного к этому времени с «новыми османами», на опасное сотрудничество с частной оппозиционной газетой? Не преуменьшая значения возможного критического настроения самого Зии, следует принять во внимание крайне неблагоприятные его личные обстоятельства, которые вновь резко обострили отношения Зии с Высокой Портой и великим везиром Али-пашой.

Служба Зии на Кипре была трудной. Тяжелый климат привел к смерти одного из сыновей Зии, а сам он два года страдал от лихорадки. Двухлетняя служба в столь же неблагоприятном климате Амасьи принесла Зии новую потерю — умерла одна из его дочерей. Служба на Кипре, в Самсуне и Амасье была сопряжена с бесконечными проверками по доносам. Сам Зия, рассказывая о своих назначениях и перемещениях, утверждал, что частые переводы по службе, бесконечные комиссии, проверявшие его деятельность, были результатом интриг и преследований его личных врагов из числа высших сановников, которые порочили его в глазах султана¹⁶. Бесконечные перемещения провинциальных чиновников, в особенности губернаторов, а также всевозможные виды покровительства или притеснений по службе были нормой для османской бюрократической среды того времени. Пожалуй, Зию толкнуло в лагерь политической оппозиции правительству именно то, что он на своем личном опыте работы в провинции узнал беды страны и пороки системы управления. А поскольку во главе этой системы он видел Али-пашу — многолетнего личного врага, — его оппозиционные настроения были крайне эмоциональны и он готов был видеть в устранении Али-паши от власти панацею от всех бед страны. Таким образом, неприязненные, а порой и враждебные отношения с Али-пашой и его чиновниками, неудовлетворенное личное честолюбие, которое особенно проявляется в тексте «Прощения» Зии, также в немалой степени повлияли на его решение встать на путь открытой оппозиции Высокой Порте.

Зию в лагерь «новых османов» привели, как видно, далеко не однозначные факторы. Можно сказать, что он пришел к

«новым османам» не только как борец за определенные идеи, но и как оппозиционер поневоле, не нашедший путей для диалога с руководителями Высокой Порты. То, что это было именно так, показывает его дальнейшая судьба, особенно годы пребывания в эмиграции. Впрочем, людей с четкой программой действий было среди «новых османов» очень мало. «Новые османы,— отмечает турецкий исследователь М. Кунтай,— были едины не в том, чего они хотели, а в том, чего они не хотели. В том, что они не желали Али-паши, все двести сорок пять (членов общества.— Ю. П.) были единодушны»¹⁷. Неудивительно, что Зия — крупный сановник, уже довольно известный поэт и публицист — сразу же стал в среде «новых османов» одним из лидеров.

На этом фоне следует рассматривать и оценивать обстоятельства сближения Зии с «новыми османами». Во всяком случае, очевидно, что Зия присоединился к ним только в 1867 г. Историк Абдурахман Шереф-эфенди считал, что Зия был в числе «новых османов» уже весной 1867 г., когда готовился заговор с целью отстранения от власти Али-паши. М. К. Бильегиль, самым тщательным образом изучивший жизнь и деятельность Зии, соглашается с тем, что Зия вступил в общество «новых османов» до эмиграции, но подчеркивает, что точных данных у историков по этому поводу нет. Между тем есть важное косвенное доказательство того, что Зия до эмиграции организационно еще не был связан с «новыми османами». Член общества «новых османов» Эбуззия Тевфик-бей, известный впоследствии литератор, утверждал, что Намыка Кемаль — одного из лидеров и идеологов «новых османов» — Зия до апреля 1867 г. лично даже не знал. Эбуззия писал, что они впервые встретились в редакции стамбульской газеты «Курье д'Орьян», издатель которой Сакакини передал им обоим приглашение жившего в Европе в эмиграции османского сановника, египетского принца Мустафы Фазыл-паши, ставшего на первых порах лидером новоосманской эмиграции. Эбуззия утверждал, что Зия присоединился к «новым османам» только в Европе¹⁸. М. К. Бильегиль не очень-то убедительно опровергает мнение Эбуззии, утверждая, что Кемаль и Зия «должны были встретиться в „Обществе поэтов“»¹⁹.

Есть основания считать, что Зия принял приглашение египетского принца не в качестве члена тайного общества, а как известный своими антипатиями к великому везиру и литературным дарованием крупный сановник. Это в какой-то мере подтверждается и поведением Зии накануне эмиграции. Буквально за два-три месяца до эмиграции в Европу вместе с Намыком Кемалем (17 мая 1867 г.) Зия усиленно добивался поста председателя комиссии, сопровождавшей турецкие товары на всемирную выставку в Париж. Получив назначение, Зия гото-

вился к отъезду. И тут произошло неожиданное — его назначают губернатором на Кипр. Оно было звеном в цепи принятой Али-пашой и его правительством кампании очищения столицы от оппозиционных элементов. В эти же дни закрыли «Мухбир» и сослали в Кастамону Али Суави, а Намык Кемаль получил предписание ехать в качестве помощника губернатора в Эрзурум.

Правительство Али-паши, объявившее в марте 1867 г. о жестких мерах по отношению к прессе, фактически ликвидировавших свободу печати, расправлялось с популярными и опасными правительству журналистами и публицистами. Во всяком случае, очевидно, что весной 1867 г. правительство явно причислило Зию к лицам, пребывание которых в столице нежелательно. Ясно и то, что, начав готовиться к тайному отъезду из Стамбула вместе с Намыком Кемалем, Зия встал на тот путь, на котором его активное участие в деятельности «новых османов» делалось неизбежным. Но и в этот момент Зия «не сжигает все мосты», не теряя, видимо, надежды продолжить карьеру османского бюрократа. Как он сам позже писал, дабы не быть в положении «бежавшего с должности», он счел нужным направить великому везиру прошение об отставке²⁰. Тон последующих обращений Зии к султану в годы эмиграции позволяет оценить этот его поступок как подчеркнутое стремление соблюсти правила поведения верноподданного сановника, стремление придать законный характер своей эмиграции.

Зия провел в эмиграции более четырех лет. Именно в эти годы его общественно-политические взгляды нашли свое выражение в газетных статьях и публицистических произведениях. Наиболее полно они представлены в серии статей Зии в газете «Хюрриет» («Свобода») и в его публицистических произведениях, известных под названиями «Прошение» и «Сон». Располагая этими материалами, мы в состоянии представить себе в достаточно полном виде те идейные позиции, которые занял Зия, примкнув к движению «новых османов» и став одним из лидеров конституционного движения.

Надо заметить, что жизнь Зии в эмиграции тоже свидетельствует о его идейной неустойчивости, склонности к компромиссу с султанским абсолютизмом. Нередко его политические поступки имели личные мотивы, в частности неожиданное сотрудничество с египетским хедивом осенью 1869 г., приведшее, в числе других причин, к идейному разрыву с Намыком Кемалем²¹. Пожалуй, одной из характерных черт Зии, вставшего на путь оппозиционной деятельности, была вера в «доброту султана», которая иногда выражалась им в крайне верноподданническом духе.

Чтобы правильно оценить сказанное, следует принять во внимание содержание «Прошения» Зии — публицистического сочи-

нения, созданного в эмиграции и предназначенного для вручения султану Абдул Азизу во время посещения им Лондона. Оно насквозь пронизано стремлением очернить в глазах султана Али-пашу, представить свою судьбу как результат бесконечных преследований Али-паши и его приспешников. Даже свою эмиграцию Зия представлял как отъезд «ради спасения жизни» в результате происков врагов²². Изложение автором обстоятельств своего отъезда за границу свидетельствует о том, что он (к этому моменту один из лидеров «новых османов») в данном сочинении предпочел выглядеть патриотом-одиночкой, уважавшим монарха и озабоченным положением страны, управляемой дурными министрами. Весь тон «Прошения» и его содержание свидетельствуют о том, что Зия, подготовив свое «Прошение» втайне от товарищей по эмиграции, все еще рассчитывал на продолжение бюрократической карьеры и приближение к особе монарха. Хотя Зия довольно резко писал о бедственном положении экономики и финансов Османской империи, чиновничьем произволе, налоговом гнете, беззакониях ростовщиков и откупщиков, дурном судопроизводстве и низком уровне народного образования²³, все это он объяснял только личными пороками министров султана. Мысль о том, что источник всех бед и зол — действия «нескольких честолюбцев и фаворитов счастья», буквально лейтмотив «Прошения»²⁴. Автор не только не призывал султана к коренным реформам и установлению парламентарного режима, о котором уже открыто говорилось в среде «новых османов», но настойчиво стремился все беды страны свести к действиям неспособных и своекорыстных сановников, окружавших султана и скрывавших от него истинное положение вещей.

Так мыслил Зия осенью 1867 г. Конечно, время, прошедшее до выхода первого номера «Хюрриет» (июль 1868 г.), не прошло для Зии, человека пытливого и наблюдательного, бесследно. Постоянное общение с Намыком Кемалем, чтение новых книг, знакомство с европейской публицистикой, изучение истории и философии, наконец, близкое знакомство с жизнью английского буржуазного парламентарного государства — все это имело большое влияние на формирование взглядов Зии. Во всяком случае, начав работать в «Хюрриет», Зия практически солидаризировался с программными статьями, написанными Намыком Кемалем. Но и большинство подписанных статей самого Зии в «Хюрриет» периода совместной работы с Намыком Кемалем по своей идейной целенаправленности представляют собой наиболее значительные плоды прогрессивной политической публицистики Зии. Это серия статей под общим названием «Воспоминание» (декабрь 1868 — май 1869 г.)²⁵, а также статьи «О причинах упадка Турции» (июль 1868 г.) и «Поэзия и проза» (сентябрь 1868 г.)²⁶.

В этих статьях Зия ратует за коренное улучшение системы просвещения, распространение знаний с целью развития экономики страны и благосостояния ее населения, выступает борцом за упрощение турецкого языка, освобождение его от арабо-персидской лексики. Таким образом, Зия был активным участником борьбы идеологов «новых османов» за реформу турецкого литературного языка и превращение его в подлинный инструмент просвещения масс.

Зия выступал на страницах «Хюрриет» как теоретик, анализируя вопрос о происхождении института верховной власти. Он утверждал в серии статей «Воспоминание», что для разрешения разногласий люди первоначально сами выбирали судей в качестве оплачиваемых слуг общества. Когда же возникла потребность в руководителе, который бы защищал общество от врагов, издавал законы и следил за их исполнением, появились монархи, также вначале оплачиваемые слуги общества. Зия утверждал, что со временем первоначальные основы власти монархов были преданы забвению, а народ стал рассматриваться в качестве слуг правителя. Люди жили в незнании того, что они лишены своих естественных прав, подчеркивал Зия, тем более что монополия на учение и знание принадлежала узкой касте избранных. Когда же с распространением цивилизации народы стали просвещаться, они стали бороться за свои права. Этот конфликт, по мнению Зии, лежал в основе многих революций и гражданских войн. Что касается мусульманских государств, то Зия считал, что, пока они выполняли свои функции по выполнению принципов шариата и соблюдению законности, они процветали, а население их жило в богатстве и спокойствии. Зия вообще придавал большое значение законам, которые разрабатываются в соответствии с «характером каждой нации». Он считал, что понятие «свобода» дано человеку изначально богом, а в законах видел гарантию этой свободы, подчеркивая на страницах «Хюрриет», что «свобода всегда связана с законом»²⁷.

Рассуждения Зии о принципах формирования общества очень напоминают идеи Руссо, произведения которого Зия хорошо знал и неоднократно переводил. Зия считал, что община вообще не отдает судьям свою верховную власть, а делает их постоянно ответственными перед общиной. Этот его тезис близок мыслям Руссо, который в «Эмиле» говорил, что народ не может отчуждать правителю свою свободу. Ш. Мардин отмечает, что в своей интерпретации истории возникновения института правительства Зия пренебрегал, подобно Намыку Кемалю, тем фактором, что в исламе власть — категория божественная, характер которой основывается на положении Корана о необходимости подчиняться власти. Сама теория договора Зии, предусматривающая договор между людьми и судьями, идет враз-

рез с исламской теорией договора между людьми и богом²⁸. Зия, подобно многим турецким просветителям и реформаторам эпохи танзимата, пытался в своих теоретических воззрениях синтезировать догматы ислама и идеи французских просветителей.

Известно, что конституционная программа «новых османов» и ее идеологическое обоснование были сформулированы на страницах «Хюрриет» периода тесного сотрудничества Намыка Кемалья и Зии (июнь 1868 — сентябрь 1869 г.). В «Хюрриет» этой поры были не только очерчены основные принципы конституционно-монархического строя в Османской империи, но и охарактеризованы преимущества парламентарной системы, обосновано разделение законодательной и исполнительной власти, принцип выборности высших органов власти. «Хюрриет» вместе с тем теоретически обосновывала совместимость конституционного управления с Кораном и шариатом. Большинство статей издавались в «Хюрриет» без подписи²⁹. Вместе с тем известно, что Намык Кемаль писал отцу в августе 1868 г., что газету он «выпускает самольично», что все изданное в «Хюрриет» либо им написано, либо прошло его правку, что «Зия пишет некоторые статьи»³⁰.

Встает вопрос: в какой мере содержание статей в «Хюрриет» отражало взгляды самого Зии? Данные источников свидетельствуют о том, что в период сотрудничества с Намыком Кемалем Зия находился под идейным влиянием этого убежденного конституционалиста и борца с султанским абсолютизмом. Именно он помогал Зие избавляться от свойственной его натуре неустойчивости во взглядах. Кемаль умел убеждать своего товарища по изданию «Хюрриет», внушать ему свои идеи. Когда же Зия расстался с Кемалем, этот важный фактор личного общения перестал действовать, полный простор вновь получили те черты личности Зии, о которых речь шла выше. Иначе невозможно объяснить ту огромную разницу, которая отличает собственные сочинения Зии от статей в «Хюрриет» периода их совместной работы с Намыком Кемалем.

Это различие особенно бросается в глаза при знакомстве с другим известным публицистическим сочинением Зии. Оно было опубликовано в «Хюрриет» в октябре 1869 г., вскоре после выхода Кемалья из редакции газеты, под названием «Султан Абдул Азиз-хан — Зия-бей — Али-паша», заняв почти целиком номера за 11 и 18 октября. После победы младотурецкой революции оно было издано под названием «Сон Зияпаши».

Очевидно, что к идее конституции и парламентарного режима Зия пришел через значительные колебания. Но и став конституционалистом, он как бы сменил веру в «доброту султана» на веру в «доброту конституционного монарха». Это ярко отразилось в его «Сне».

В отличие от «Прощения» автор «Сна» не скрывал, что он призывает султана созвать парламент. Однако Зия считал при этом нужным подчеркнуть неизбежность всех прерогатив султана, которому парламент будет помогать управлять страной, контролируя министров, чинящих беззакония и произвол³¹. Тема обличения честолюбивых и алчных сановников и в этом сочинении Зии находится на первом плане, явно заслоняя собой весьма умеренный парламентаризм автора. Неспособным министрам и бездарному великому везиру Али-паше Зия посвящает едва ли не две трети своего сочинения, которое кончается сценой смещения Али-паши автором, действующим по поручению султана³². Таков был финал грез автора, который и в этом своем публицистическом произведении не поднялся до осознания социальной значимости конституционной реформы. И все же, несмотря на явную ограниченность Зии, который практически сводил дело к устранению власти временщиков и Али-паши, критическая оценка им положения дел в государстве и само признание необходимости установления парламентарного режима в определенной степени отражали общие идеи «новых османов».

Таким образом, идейные воззрения Зия-паши эволюционировали от общих призывов к устранению плохих министров к крайне умеренному парламентаризму, в основе которого лежала вера в «добротного монарха». В период совместной работы с Намыком Кемалем в «Хюрриет» Зия выступал как один из идеологов конституционализма, но идейные позиции его по вопросам теории, а еще более практики управления государством не были достаточно устойчивыми. Во всяком случае, после разрыва с Намыком Кемалем Зия отошел от, казалось бы, совместно сформулированной политической и идейной платформы и предстал перед своими читателями конституционалистом, который защищает и оберегает права монарха больше принципов конституционализма и парламентаризма. Хотя «Сон» содержит призыв к созыву парламента, в целом тон этого сочинения во многом напоминает «Прощение». Оно наглядно свидетельствует о том, что в идейном багаже Зии и после года работы в «Хюрриет», когда ее редактором был Намык Кемаль, изменилось немного.

Чем же определялась столь очевидная неустойчивость, а порой и двойственность идейных позиций Зии? Думается, что ответ надо искать в столь же очевидной двойственности социального положения и устремлений этого деятеля. Как представитель «новой бюрократии» эпохи танзиматских реформ, он действительно тяготел к идеям улучшения институтов управления, но на основе сохранения основных принципов государственного устройства и монархического строя. Крайне умеренная конституционная программа Зии, его очевидный монархизм опреде-

лялись принадлежностью к бюрократической элите Османской империи. Определенную роль в этом играл и характер Зии — его крайнее честолюбие и карьеризм. Но этот же человек был увлеченным своим трудом литератором, одним из ярких представителей молодой турецкой интеллигенции, поэтом-просветителем, перу которого, в частности, принадлежат и такие строки:

Если ты хочешь познать мир,
Изучай язык Европы,
Наука там в почете,
И ты не избегай знаний.
Надо знать тамошнюю науку;
Оставь фанатизм и суеверия.
Не познав ее, нельзя стать поэтом³³.

Можно сказать, что Зия — писатель и поэт, Зия-интеллигент постоянно боролся с Зией-бюрократом. Многие зигзаги жизни и творчества этого человека объяснимы, пожалуй, именно перипетиями этой внутренней борьбы.

Показательным для характера и линии поведения Зии является один из эпизодов женевского периода его жизни в эмиграции. Весной 1870 г. Зия покинул Лондон, где ему грозил арест за публикацию в «Хюрриет» статьи Али Суави, прозвучавшей как подстрекательство к убийству Али-паши. Продолжив в Женеве издание «Хюрриет», Зия в июне 1870 г. опубликовал на ее страницах несколько неожиданную для него статью «Разница между республиканским строем и единоличным правлением»³⁴. В этой статье убежденный монархист Зия, только что защищавший султана на страницах лондонской «Хюрриет», с явным восхищением описывал республиканский строй, при котором соблюдаются законность и гражданские права, а национальное собрание является блюстителем и хранителем закона. Абсолютистский режим в статье Зии представлен как царство произвола. Симпатии автора к республиканскому строю читателю очевидны. Чем же объяснить такой неожиданный поворот во взглядах Зии? Поскольку симпатии Зии к республиканскому строю нигде и никак им более не были подтверждены, остается одно объяснение. Найдя пристанище в Швейцарии после нескольких месяцев мытарств, оказавшись в атмосфере, обеспечивавшей ему надежную защиту против агентов Али-паши, Зия был увлечен окружавшей его действительностью. Он не скрывал ликования по поводу неудачной попытки Али-паши воспрепятствовать изданию «Хюрриет» в Женеве и подчеркивал, что это произошло благодаря свободному республиканскому строю Швейцарии. Автор писал статью, явно поддавшись настроению, которое отнюдь не отражало его устоявшиеся взгляды. Между тем, прочитав эту статью Зии и плохо зная его жизненный путь и творчество, историк легко может сделать неверные выводы о его взглядах.

В идейных воззрениях Зии можно выделить следующие основные черты — совершенствование институтов государственного управления в рамках крайне умеренного парламентаризма и неизменной веры в «доброе султана», просветительство и «европеизация». Он выступал также за сохранение Османской империи и власти турок над покоренными народами³⁵, был в числе противников экономической и политической экспансии великих держав в империи³⁶.

Оценивая взгляды Зии в контексте идейной борьбы «новых османов», нельзя не признать, что для общественно-политической и культурной жизни Османской империи той поры даже умеренные политические статьи и памфлеты Зии будоражили общественное мнение, вызывали интерес к проблемам совершенствования государственных и правовых институтов страны. Не случайно произведениями Зии наряду с книгами Намыка Кемаля или Мидхат-паши тайно зачитывалась четверть века спустя прогрессивная молодежь, подготовившая первую турецкую буржуазную революцию 1908 г. Сочинения Зии обладали такими чертами публицистического произведения, как полемичность и эмоциональность. Весьма простой для того времени турецкий язык этих произведений, свободный от арабо-персидской вычурности и усложненности стиля, сделал публицистику Зии активным участником процесса становления новой турецкой литературы.

Изучение взглядов Зия-паши показывает, сколь трудным и сложным был путь идеологов «новых османов» к осознанию необходимости превращения Османской империи в конституционную монархию, сколь различны были их взгляды на будущий парламентарный режим. Зию называют иногда лидером умеренного крыла движения «новых османов». Конечно, это определение весьма условно, ибо идейные течения внутри социально крайне разношерстного движения первых турецких конституционалистов сколь-нибудь точно определить невозможно. Скорее можно говорить о крайней умеренности идейных воззрений самого Зии — крупного бюрократа, для которого положение одного из лидеров «новых османов» было в известном смысле испытанием его личности. Такие люди, как Зия, для которых борьба за личную карьеру во многом была определяющей чертой поведения, приходили в движение «новых османов» не только по убеждениям, но и для борьбы с конкретными носителями административного произвола. Но уже то, что даже эти люди в своей (пусть даже «личной») борьбе с теми или иными министрами или сановниками султана сочли нужным и возможным прибегать к новым для своей страны методам политической оппозиции, свидетельствовало о том, что Османская империя шла навстречу важным социальным и политическим переменам.

- ¹ Наиболее полная и насыщенная ценным документальным материалом работа — книга турецкого исследователя М. К. Бильгегил (Bilgegil M. K. *Ziya paşa üzerinde bir araştırma*. Erzurum, 1970).
- ² Ş. Mardin. *The Genesis of Young Ottoman Thought*. Princeton, 1962, с. 337—359.
- ³ См.: А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972, с. 119—141; Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971, с. 103—136.
- ⁴ Bilgegil M. K. *Ziya paşa...*, с. 6—9.
- ⁵ Там же, с. 7—11.
- ⁶ См. о нем: Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, с. 34—70.
- ⁷ Bilgegil M. K. *Ziya paşa...*, с. 22—29.
- ⁸ Там же, с. 29—33.
- ⁹ Там же, с. 26—27.
- ¹⁰ Mardin S. *The Genesis of Young Ottoman Thought*, с. 338.
- ¹¹ Цит. по: Bilgegil M. K. *Ziya paşa...*, с. 173.
- ¹² Там же, с. 77—78.
- ¹³ *Ziya paşanın arzuhalı*. Derisaadet, 1327, с. 6—7 (араб. шрифт).
- ¹⁴ Mardin Ş. *The Genesis of Young Ottoman Thought*, с. 25—26; Bilgegil M. K. *Ziya paşa...*, с. 68—70.
- ¹⁵ *Edib-i muhterem merhum Ziya paşanın gūyası*. Derisaadet, 1326, с. 8 (араб. шрифт).
- ¹⁶ *Ziya paşanın arzuhalı*, с. 14—16.
- ¹⁷ Kuntay M. C. *Namık Kemal*. Cilt 1. Istanbul, 1949, с. 358.
- ¹⁸ Bilgegil M. K. *Ziya paşa...*, с. 87—88, 100.
- ¹⁹ Там же, с. 100.
- ²⁰ *Ziya paşanın arzuhalı*, с. 23.
- ²¹ Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции..., с. 138—139.
- ²² *Ziya paşanın arzuhalı*, с. 6—22.
- ²³ Там же, с. 24—26, 47—49, 53—64.
- ²⁴ Там же, с. 26—27, 44—45, 67.
- ²⁵ Их изложение см.: Mardin Ş. *The Genesis of Young Ottoman Thought*, с. 341—349.
- ²⁶ О них см.: Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции..., с. 136—137.
- ²⁷ Цит. по: Mardin Ş. *The Genesis of Young Ottoman Thought*, с. 352.
- ²⁸ Там же, с. 344, 346—347.
- ²⁹ Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции..., с. 121—131.
- ³⁰ Там же, с. 120.
- ³¹ *Edib-i muhterem merhum Ziya Paşanın gūyası*, с. 8, 12—13.
- ³² Там же, с. 15—18, 25—39.
- ³³ Цит. по: Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы. М., 1967, с. 24—25.
- ³⁴ Полный текст см.: Bilgegil M. K. *Ziya paşa...*, с. 165—169; об этом см. также: Петросян И. Е., Петросян Ю. А. Из истории турецкой «вольной прессы». — «Народы Азии и Африки». 1982, № 2, с. 95—97.
- ³⁵ *Ziya paşanın arzuhalı*, с. 30—38, 45—46.
- ³⁶ Там же, с. 47—48, 53—54.